

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
**ОПАСНЫЕ
ВЫБОРЫ**

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Опасные выборы
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819875

Леонов Н. И. Макеев А. Опасные выборы: романы: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-53749-5

Аннотация

Какие только роли не приходилось играть полковнику Льву Гурову за долгие годы работы в МУРе! Но вот кандидата в мэры – никогда... А ведь пришлось ему побывать и в этом амплуа, чтобы расследовать странную гибель бывшего мэра небольшого городка Покровска. Тот погиб в автокатастрофе якобы из-за внезапной остановки сердца. Но интуиция Гурова подсказывает: что-то здесь нечисто. В ходе хитрой операции Лев Иванович внедряется во властные круги города, выставляя свою кандидатуру на выборы нового мэра. Сыщик еще не знает, каких масштабов злодейство стоит за обычными рутинными выборами...

Николай Леонов, Алексей Макеев Опасные выборы

Фура пристроилась в хвост двум дальнобойщикам, которые шли на хорошей скорости. Иван Житников широко, в голос, зевнул и покрутил головой. Половина восьмого утра, до подмосковного Покровска осталась какая-то сотня километров, но он вчера ночью все же остановился у КП ГИБДД. Вымотала его ночь на МКАДе, вот и решил остановиться и поспать часиков пять. Конечно, спать лучше дома, но Иван не любил рисковать.

Два «МАЗа»-супер, шедшие впереди, замигали поворотниками и стали прижиматься к обочине. Житников сбавил скорость, дождался, пока хвост последней фуры освободит ему дорогу, и снова наподдал своему старенькому «КамАЗу». Несмотря на то что машин было уже много и легковушки сновали как бешеные, выскакивая на обгонах на встречу по одной, а то и по две сразу, удавалось держать на спидометре девяносто.

Иван – водитель опытный, степенный и не любит лихачества. Может, потому у него за плечами четверть века безаварийной езды. Каждый раз, когда сбоку со свистом пронеслась очередная иномарка, он морщился и качал головой

— мол, доездитесь так когда-нибудь до беды. А когда выскочившая на обгон машина не успевала совершить маневр до конца и ныряла ему прямо под колеса, втираясь в правый ряд от встречного лихача, он в голос матерился.

Бедя случилась, когда Житников ее совсем не ожидал. Часть машин ушла на объездную, и на трассе стало просторнее. Встречные проносились теперь не сплошняком, а с большими интервалами. Иван немного расслабился, поудобнее уселся и подумал, что можно бы и закурить...

Белую «Ауди» он увидел издалека. Иномарка шла навстречу с приличной скоростью, но вдруг резко ее сбросила, и ее потянуло на середину дороги. Житников сразу испугался; наверное, предчувствие опытного водителя подсказало, что это неспроста, и нога машинально легла на педаль тормоза. Неожиданно «Ауди» пошла прямо в лоб «КамАЗу». Житников вдавил педаль тормоза в пол и рванул руль влево, понимая, что по обочине ему встречную машину уже не обойти.

Страшный удар массивного бампера «КамАЗа» пришелся в правую фару иномарки. Иван почувствовал, как передние колеса его машины повело на раскисшей от дождей обочине, потом они вовсе потеряли опору. Уперев руки в рулевое колесо, он попытался смягчить удар, но его бросило вперед с такой силой, что попытка не удалась. Дыхание перехватило от удара в грудь, что-то внутри хрустнуло... и больше он ничего не помнил.

Патрульная машина ГИБДД, воя сиреной, прилетела с ближайшего поста через пять минут. Свидетели аварии уже вытаскивали водителя «Ауди». Несколько человек лазили по кабине лежавшего на боку в кювете «КамАЗа», пытаясь открыть дверцу. Шум и гам на дороге приутих, когда капитан ГИБДД узнал по номеру, что «Ауди» принадлежит мэру Покровска. И особенно когда стало понятно, что глава города, Станислав Афанасьевич Чуканов, мертв.

Вызванная патрульными бригада «Скорой помощи» уже оказывала помощь водителю перевернувшегося «КамАЗа». Следом за «Скорой» прибыла синяя «Газель» с надписью: «Полиция». Тело мэра было накрыто белой простыней, а инспектора ДПС споро разводили создавшуюся на трассе пробку. Потом подлетели еще две машины с сиренами и мигающими проблесковыми маячками.

– Товарищ подполковник, – подбежал к начальству молодой парень с погонами старшего лейтенанта, – оперуполномоченный...

– Здорово, – протянул ему руку начальник уголовного розыска ГУВД Барсуков и поморщился, оглянувшись на вторую машину, прибывшую вслед за ним. – Не повезло тебе сегодня с дежурством. Вон и городской прокурор лично прибыл. Ну, что тут?

– По всему, «Ауди» в лоб выскочила, – пожал плечами молодой оперативник. – Результат перед глазами.

– Свидетели есть?

– Серьезных – двое. Следом за «КамАЗом» шла «Хонда», как раз обогнать собиралась, а тут «Ауди» в лоб прет. «Хонда» назад в свой ряд за «КамАЗ», а он в кювет. Водила говорит, что чудом успел затормозить. Ну, и за «Хондой» «пятнашка» шла. У этого тоже все фактически на глазах произошло. Главное, не понятно: то ли Чуканов с управлением не справился, то ли с машиной у него что-то случилось.

– Подождем, что эксперты скажут, – угрюмо бросил подполковник и направился к следователю, около которого крутился городской прокурор.

Барсуков с раздражением смотрел на потную лысину прокурора Карагодина и на его руки, беспрестанно теребившие очки. Николай Тимофеевич Карагодин был человеком несуетливым, но сейчас он наверняка нутром чувствовал, что на его карьере вот-вот появится жирный крест. «И кондиционер в кабинете работает, – усмехнулся про себя Барсуков, – а он потеет».

Начальник ГУВД Покровска полковник Сыромятин наконец положил телефонную трубку и стал смахивать с поверхности полированного стола несуществующую пыль.

– Давай, Павел Андреевич, докладывай, – велел он Барсукову. – Что мы там имеем на сегодняшний день?

Сыщик недовольно посмотрел на руки полковника. И этот карьерой озабочен. Хотя какая тут карьера, когда ему год до пенсии... Чего они так в большие чины все рвутся, если

от каждого происхождения с высокопоставленным трупом так дергаются! Ну, и сидели бы в заместителях, в рядовых со-трудниках. Нет, надо им большие погоны заиметь, а потом валидол сосать. Мазохисты!

– Получены результаты экспертизы, – начал докладывать Барсуков. – Обе машины были в технически исправном состоянии. Первичная экспертиза в крови обоих участников ДТП алкоголя не обнаружила. Более детальная, особенно Чуканова, проводится...

– Черт! Чего они там возятся, – вспылил Карагодин. – Тут такое дело, а они копаются... Эксперты хреновы!

– А чего особенного случилось-то, Николай Тимофеевич? – не выдержал наконец Барсуков и уставился на прокурора. – Ну, погиб в ДТП мэр города. Вы каких-то претензий боитесь из Москвы? Нет здесь криминала.

– Подожди так категорично заявлять, – остановил подчиненного полковник Сыромятин. – Еще неизвестно, что даст глубокая экспертиза. Ты, Павел Андреевич, кое-чего не знаешь.

– И чего же я не знаю?

– Не знаешь, кто такой Чуканов, – проворчал прокурор. – А мы вот с твоим начальником знаем.

– Да, – кивнул невесело полковник. – Станислав Афана-сьевич, между прочим, племянник жены нашего президен-та. Тут такие пожелания сверху пошли! Гм... Пострашнее самого сурового приказа.

– Мне, к твоему сведению, – заявил Карагодин, – уже два раза звонили из Генпрокуратуры. И ФСБ на ушах стоит.

– Какого президента? – не понял Барсуков.

– России, – бросил Карагодин, снова вытирая потное лицо и шею носовым платком. – Ты сюда из района полгода назад пришел, поэтому и не знаешь, а мы тут с Сыромятиным нахлебались. Видели, какая ему поддержка из Москвы оказывается. Потому и мэр успешный.

– Вы же не считаете это выпадом в адрес президента? – на всякий случай спросил подполковник. – Может, потому, что успешный и...

– Все может быть, – строго кивнул Сыромятин. – Прокуратура своих лучших следователей на это дело кинула. Ты, Павел Андреевич, тоже удели этому вопросу серьезное внимание. Создай группу из оперативников, сам ее возглавь. Самое тесное взаимодействие со следственными органами, все задания выполнять бегом. И оперативную информацию собирать! План работы сегодня вечером.

– Товарищ полковник, – вдруг сказал Барсуков. – А вы помните в прошлом году историю с гибелью мэра города Горбатова? Кажется, там тоже возникали подозрения на убийство, но потом все затихло.

– Мафия мэров отстреливает? Детективов начитался? Впрочем, попробуй связаться и уточнить обстоятельства. В конце концов, не причина, так рука может оказаться одна и та же. И еще, сегодня из твоего главка приезжают. Вопрос на

контроле в МВД.

Грохот музыки, который пытались перекрычать солисты словами «мечта сбывается», наконец стих. Грузный мужчина с коротко стриженными, редкими седыми волосами в просторном летнем костюме довольно откинулся на спинку кресла, держа в руках наполненный соком бокал.

– И поменьше жидкости! – как тост произнес он с улыбкой.

Сидевший за столиком напротив черноволосый мужчина, лет на десять помоложе, приподнял рюмку с коньяком.

– За врачей! Они ни за что не дадут нам умереть здоровыми. Так что, господин Ларсен? – снова вернулся к деловой беседе черноволосый, видя, что ресторанный ансамбль складывает инструменты и уходит на перерыв.

– Шведы готовы инвестировать, и много. Но постепенно. Пятьдесят процентов вложений их вполне устраивает.

– Борис Осипович, я все же не сторонник такого риска, – покачал головой черноволосый. – Куда проще было бы открыть представительство компании в Москве. Мы бы взяли за продвижение бренда, а года через два на одних процентах начали бы сами строить завод. И без участия их капитала.

– Сережа, ты всегда упускаешь из вида фактор времени, – наставительно проговорил грузный мужчина, причмокивая полными красными губами. – Пока мы раскачиваемся,

под Москвой вырастет не один такой завод. Столица – город огромный, но ниша не безразмерна, и мы можем опоздать. Рискую-то прежде всего я.

– Согласен, у меня нет ваших капиталов. Я лишь младший партнер, но именно поэтому я рискую всем, а вы – лишь частью денег.

Борис Осипович Коруль, сидевший сейчас в ресторане со своим деловым партнером Сергеем Владимировичем Финановым, был человеком основательным и неторопливым. Он имел множество акций в самых различных компаниях, собирая свои пакеты неторопливо, вдумчиво. К пятидесяти пяти годам уже перестал быть простым рантье и стал задумываться о собственном бизнесе. Но Бориса Осиповича не интересовала покупка ресторанов, автосалонов и другой мелочи. Можно было бы попытаться купить несколько нефтяных скважин, но это чужая епархия, да и далековато. А Борис Осипович привык к комфорту, уюту рабочего кабинета и минимальным передвижениям.

Шведская технологическая компания «Бакстерз Бокс» разработала новые современные линии по переработке бытового мусора. Для нового бренда самая лучшая реклама и маркетинговый ход – строительство завода по переработке мусора под Москвой. Если их бренд будет работать на русскую столицу, то крупные заказы по Европе были бы разработчику гарантированы. Главное – не размениваться на отдельные линии по всей необъятной России, а вложиться в

полноценный завод.

Коруль прекрасно понимал политику шведов. Пока лично у него есть контакт, он может успеть продвинуть инвестиции и стать вторым по величине акционером суперсовременного завода. Упустит время – и шведы найдут других предприимчивых людей. Вокруг Москвы много небольших городов.

Партнер Коруля, Финагенов, был моложе, энергичнее, но не умел видеть так далеко. Сергей и поднялся в бизнесе только благодаря Борису Осиповичу. Точнее потому, что Борис Осипович так захотел, увидев в Финагенове энергичного и честного партнера. К тому же он теперь обязан Корулю своими доходами, предан ему лично и послушен, веря в мудрость старшего товарища и его удачу. И связи. Коруль лично знаком с председателем Совета директоров шведской компании, с которым встретился этой весной на отдыхе в Испании. Он смог заинтересовать Алефа Ларсена, но интерес на одних обещаниях долго не продержится. Нужны срочные и энергичные шаги. Эти шаги сейчас партнеры и обсуждали за ужином в неброском московском ресторане. Главное, что, по мнению Коруля, тут была очень хорошая кухня.

– Надо, Сережа, пользоваться ситуацией в Покровске, – наставительно заявил Коруль. – Жалко Чуканова, с ним бы договорились. И земля там под завод есть. Но, как говорится, смерть вырвала из наших рядов...

– В каком смысле пользоваться? – не понял Финагенов.

– А в таком. Нам в Покровске нужен свой мэр.

– Ну, кто-то же там обязанности сейчас исполняет?

– Вице-мэр, некий Захаров. Только с ним разговора не получится. Точнее, уже не получилось.

– Это когда вы в первый раз на него вышли с идеей завода?

– Вот-вот, – кивнул Коруль. – Уже тогда с ним разговора не получилось. Не знаю, какой у него интерес был отказывать. Хорошо, что я на этом не остановился и пошел напрямик к Чуканову. Никогда, Сергей, не останавливайся на половине дороги, всегда иди до конца, пусть даже и окольными путями.

– Вы, что, хотите на выборы выставить свою кандидатуру? – рассмеялся Финагенов. – Или мою?

– Наше дело – бизнес, а администрацией города пусть руководит другой. Но послушный. Нам нужен человек, Сережа, сильный, опытный по жизни, с хорошим достойным прошлым. Но! И это, Сережа, самое главное, человек, не искушенный в политических делах.

– А не дешевле в другом районе пошустрить? Предвыборная кампания обойдется ого-го-го!

– На фоне затрат по строительству завода – это копейки. Мы же не мэра Москвы протаскиваем, а главу небольшого подмосковного города. Подумай! Есть кто на примете?

Сергей задумчиво потер подбородок, наблюдая, как на эстраде снова появились музыканты. Однако, вопреки ожиданиям, громогласной музыки не последовало. На высокий барный стул к микрофону подсел длинноволосый солист

с акустической гитарой; по залу полился незнакомый, но очень приятный романс.

Вокалист закончил исполнение и стал что-то говорить девушке-солистке. В этот момент из зала поднялся плотный мужчина, в одной рубашке без пиджака и сползшим набок галстуком, нетвердой походкой подошел к эстраде, покровительственно похлопал солиста по плечу и стал что-то совать ему в карман – по-видимому, купюру. Переговоры были короткими. Пьяный посетитель постоял перед эстрадой, покачиваясь, потом закурил и сделал неуклюжий жест в зал – мол, спокойно, сейчас споют.

Солист с усмешкой перебросился с клавишником несколькими фразами, и ансамбль заиграл песню Газманова «Господа офицеры». Финагенов, с ироничной усмешкой наблюдавший за пьяным человеком у эстрады, вдруг поперхнулся коньяком.

– Борис Осипович, это же полковник Гуров, – кивнул он головой в зал, вытирая рот салфеткой. – Посмотрите.

– Какой полковник Гуров? – приподнял бровь Коруль. – А-а! Тот знаменитый сыщик, из МВД? Помню, помню. Только мне не показалось, что он особый любитель разгульной жизни.

– Интересно, что это он тут так отрывается? – рассмеялся Финагенов. – Может, генерала получил? Отмечает? Умеют у нас офицеры гульнуть!

– В одиночку? – скептически заметил Коруль. – У него,

по-моему, на столе приборы на одного. Похоже, что, скорее, его разжаловали в лейтенанты.

– Я понял, Борис Осипович, – снова стал серьезным Финансов и повернулся к своему собеседнику. – Подумаю насчет кандидатуры. Теоретически нам нужен не просто неудачник. Нам нужен человек, который по своей природе мог достичь многого, но пал жертвой обстоятельств. Вот мы ему и поможем подняться. А он – нам.

– Соображаешь, – усмехнулся Коруль. – Вот и покумекай над этим. У меня, сам понимаешь, круг общения несколько иной. Там нет неудачников и жертв обстоятельств. А чужого человека, человека из команды конкурентов, использовать нам нельзя.

На самом деле ситуация была не так проста, как Борис Осипович пытался преподать ее своему молодому партнеру. Господин Ларсен согласен был подождать некоторое время, пока господин Коруль решит вопросы со строительством завода по переработке мусора, но время это не безгранично. Менять весь бизнес-план Борис Осипович не хотел. Изменяя место положения проектируемого завода, он неизбежно столкнулся бы с изменением условий не только чисто экономических, но и технических. В Покровске все было просчитано: и длина инженерных коммуникаций, и объемы дорожного строительства, и расходы по доставке необходимого оборудования и заводских линий. Учтена даже роза ветров во избежание угрозы переноса выбросов на столицу.

Любое другое место в Подмоскowie потребовало бы не просто корректировки бизнес-плана, а подготовки нового, новых согласований. Да и условия в новом месте могли оказаться для проекта просто неподъемными. У Коруля была кое-какая поддержка в Москве, но его знакомых больше интересовали проекты, которые существенно влияли бы на экономический климат области. А в запасе у Коруля не было партнеров, изъявивших желание вложиться в строительство торгово-развлекательного комплекса или современной структуры в области логистики. На ура пошло бы большое производственное предприятие: машиностроительное, сборочное или что-то в этом роде. Это большие налоги в местный бюджет, уйма рабочих мест и развитие местной инфраструктуры.

Но московские чиновники понимали, что такого энергоемкого предприятия московская энергосистема не потянет. Обратись они в правительство страны, там мгновенно бы нашли иное место – поближе к источникам электроэнергии и с учетом системы энергораспределения в схеме всей страны, – и тогда проект неизбежно ушел бы в другой район – куда-нибудь под Волхов, Рыбинск, Курск или Воронеж. Поэтому у Бориса Осиповича и оставался один вариант действий – протащить в мэры подмосковного Покровска своего «поплушного» человека. И чтобы этот человек не только решил вопрос с размещением завода, но и впредь прикрывал предприятие, потому что шведы намерены были раз в два года

проводить модернизацию и внедрять новые линии, расширяя мощности завода. Для них это была своего рода пилотная площадка, и им нужны были гарантии долгосрочного сотрудничества.

Встреча с представителем «Бакстерз Бокс» состоялась через два дня, непосредственно перед отъездом господина Ларсена. Алеф Ларсен совсем не походил на легендарного викинга, каким многие представляли себе шведов. Был тщедушен, лыс, носил очки в массивной оправе и с толстыми стеклами. Однако за невзрачной внешностью подслеповатого шведа скрывались аналитический ум, деловая хватка и хорошие организаторские способности.

– Сегодня я уезжаю, Борис, – в своей неторопливой манере говорил Ларсен, – завтра докладываю на Совете директоров компании о возможностях продвижения наших линий в России. В деловом мире не принято принимать в расчет обещания. В деловом мире принято считаться с договорными обязательствами.

– Дорогой Алеф, – изобразил Коруль виноватую улыбку своими толстыми красными губами, – кто же мог предполагать, что с мэром города случится такое несчастье? Нужно время, совсем немного времени, и договор обязательно будет подписан.

– Очень жаль, Борис, но этого времени у меня нет. Если бы не договора, которые я привезу с собой из других реги-

онов России, — холодно улыбнулся господин Ларсен, — Совет директоров имел бы полное право удержать с меня стоимость этой командировки.

Коруль понимал, что упреки и шутка насчет стоимости командировки, которую могли отнести за счет самого Ларсена, не более чем попытка добиться ясности в вопросе. Понимал он и то, что одобренные Советом директоров шведской фирмы проект строительства завода в Покровске и бизнес-план чего-то стоят. Так легко там не примут обратного решения и не приступят к поиску другой подмосковной площадки. Реальный запас времени у него был, и Борис Осипович намеревался его использовать.

— Видите ли, Алеф, я мог бы включить административные рычаги, и вы бы сегодня уехали с протоколом, подписанным местной администрацией. Но это было бы одноразовое повеление свыше и не более. Гарантий реального и долгосрочного сотрудничества этот документ вам бы не дал. Надеюсь, что ваши коллеги далеки от бюрократических взглядов на бизнес и им нужны реальные намерения, а не мнимые. А мне нужно два месяца. Два месяца, и я гарантирую, что на назначенных выборах нового мэра победит такой кандидат, который откроет нашему совместному проекту «зеленую улицу» и в дальнейшем обеспечит развитие проекта и возможность дополнительного инвестирования с вашей стороны в будущем. Это серьезный вариант, Алеф, очень серьезный. Если вам это поможет, то я подготовил гарантийное письмо, в ко-

тором обязуюсь протащить проект.

– Думаю, что в этом нет большой необходимости, Борис. Вы правильно понимаете, что в бизнесе бюрократический подход неприемлем. Два месяца – вполне достаточный срок для принятия решения. Думаю, что мои коллеги согласятся подождать.

Сергей Владимирович Финагенов вышел из офиса с твердым намерением пообедать. Был у бизнесмена такой «пунктик» – во всем должен быть порядок, плановость и методичность. Он никогда не отменял планерок, совещаний, выездов на объекты в угоду сложившимся обстоятельствам. Многие считали Финагенова занудой, но бизнес у него работал как часы, по заведенному графику и установленным правилам.

Такому же графику и однажды установленным правилам подчинялась и вся жизнь Сергея Владимировича. Начиная со времени, когда он должен утром проснуться, приехать в офис, потом обедать, вечером завершить рабочий день, и кончая посещением спортзала, салона красоты, массажиста, и так далее. Практически мир должен был рухнуть, чтобы в час дня Финагенов не отправился обедать в свой любимый ресторан.

В «Баварии» Финагенова хорошо знали и чтили как постоянного и доходного клиента. Очень часто Сергей Владимирович приходил не один, совмещая деловые переговоры или решение производственных вопросов со своими топ-ме-

неджерами с обедом. Знали здесь и его вкусы, пристрастия, привычки. И такое предупредительное отношение очень импонировало бизнесмену.

Молодой, подтянутый метрдотель Кирилл в черном костюме расплылся в приветливой улыбке, сделал приглашающий жест и поспешил впереди знатного посетителя к его любимому столику у окна. Предупредительно придерживав за спинку кресло, усадил гостя, пожелал приятного аппетита и махнул рукой смуглой официантке Лиле. Это тоже было сделано в угоду Финагенову. Уже давно администрация заметила, что бизнесмену нравятся брюнетки восточного типа, и обслуживание столиков поменяли, перетасовав смены таким образом, чтобы Финагенова обслуживала именно Лиля или ее сменщица Зарема.

Сергей Владимирович уселся, приспустил узел галстука и плеснул себе в бокал на три пальца минеральной воды. Потягивая для аппетита перед едой минералку, он лениво смотрел через окно на сквер, куда на хорошо оборудованную детскую площадку ходили с детьми в основном мамы из элитного шестиэтажного дома. Мамаши были все молодые, ухоженные, и смотреть на них было приятно, несмотря на то, что всего полгода назад Финагенов пережил длительный и крайне неприятный бракоразводный процесс с такой же вот молодой ухоженной девицей модельной внешности. Стерва попыталась отсудить у бизнесмена чуть ли не половину его бизнеса и имущества. Много пришлось тогда Сергею Вла-

димировичу потратить денег, чтобы урегулировать вопрос в свою сторону. Осадок в душе остался неприятный, и Финагенов пока не подумывал о женитьбе, ограничиваясь регулярными, но необременительными связями.

Внимание Сергея Владимировича привлекла пара за столом почти у самой двери. С изумлением он снова обнаружил там полковника Гурова. И снова сыщик был пьян, и снова пребывал, как показалось Финагенову, в растрепанных чувствах. Правда, сегодня он сидел в компании с пожилым высоким мужчиной, в котором строгость и подтянутость выдавали бывшего военного. Гуров пьяно жестикулировал и что-то доказывал своему собеседнику. Мужчина только хмурился, опуская голову, и выразительно молчал. За пять минут Гуров хватанул две рюмки водки, жадно засовывая в рот ломтики лимона.

Финагенов отвлекся, когда ему принесли его обычный заказ, и принялся за еду. Мысли привычно вернулись к рабочему плану дня. Что уже сделано, что нужно сделать еще, какие корректировки внести, кого вызвать и о чем посоветоваться со своими главными специалистами. Ел он быстро и деловито, задумчиво глядя прямо перед собой в стол. Наконец было покончено и с первым, и со вторым. После выпитого традиционного апельсинового фреша официантка принесла на маленьком мельхиоровом подносе чашку крепкого черного кофе и сливки.

Только теперь Сергей Владимирович снова бросил лени-

вый взгляд на стол, за которым сидел пьяный полковник из МВД. Гуров был уже один. Он жадно и нервно курил, выдыхая сигаретный дым сразу через рот и нос. Левая рука зло комкала салфетку. «Что-то у полковника в разговоре с седовласым не сложилось», – подумал Финагенов.

– Деточка, – с усмешкой спросил Финагенов, показывая взглядом официантке на Гурова, – а часто здесь бывает вон тот тип?

– Наверное, уже с неделю почти каждый день, – вежливо ответила Лиля. – Пьет страшно!

– Отнеси-ка мой кофе за его столик, – велел Сергей Владимирович, вставая из кресла и направляясь к Гурову. Закурив на ходу, он неторопливым шагом приблизился к столу полковника и уселся в кресло напротив. – Вы позволите, товарищ полковник? – поинтересовался Финагенов, по-хозяйски откидываясь на спинку.

Гуров еле заметно приподнял одну бровь, уставившись в лицо гостю. Было видно, что лицо этого человека ему показалось знакомым, и пьяный полковник пытается вспомнить, откуда.

– Терпеть не могу этого сочетания, – брезгливо бросил он.

– Простите, Лев Иванович, – развел руками Финагенов, – я совершенно забыл, что вы предпочитаете, чтобы к вам обращались «господин полковник». Так сказать, по-старинному!

Гуров сверлил собеседника взглядом и курил глубокими

затяжками.

– Говорят, что вы тут в последнее время частый гость, – продолжал Финагенов. – Уж не оставили ли вы службу?

– Службу? – с каким-то непонятным раздражением повторил Гуров, потом хмыкнул и добавил уже спокойнее: – Службу... Как много в этом звуке! И какие интересные ассоциации оно вызывает. Служба есть служение. Служение Отчизне. Или другая ас...социация. Собачки в цирке тоже служат.

Финагенов еле удержался, чтобы не брякнуть о легавых, но вовремя остановил себя. Гуров вдруг поднял одну бровь и ткнул сигаретой в собеседника.

– А я вас вспомнил. Вы мелкий бизнесмен, некто Финагенов, из окружения крупного бизнесмена. Коруля, кажется. Так?

– Ну, Борис Осипович, конечно, имеет на два подбородка больше, чем я, – попытался пошутить Финагенов. – Но, когда я гляжусь в зеркало в тренажерном зале, то не кажусь таким уж мелким.

– А-а, юмор? Понимаю, – тоном армейского прапорщика проговорил Гуров. – Как надену португею, так тупею и тупею. А вы у меня проходили свидетелями по делу о коррупции в особо крупных размерах. Беда вас миновала, и никто не сел.

– Бросьте, Лев Иванович, какая беда! И садиться нам не за что. Мы ведем честный бизнес.

– Совмещение несовместимых понятий. Где-то я читал об этом: спокойствие горного ручья, полуденная прохлада летнего солнца... честный бизнес. Очень смешно!

– У вас что-то случилось, Лев Иванович? – пропустил Финагенов сарказм сыщика мимо ушей. – Дома беда? Или на работе неприятности?

– На работе? А я безработный! Сажу и пью – вот и все мое занятие. А люди, которые раньше делали вид, что уважали меня, теперь отворачиваются. Полковник Гуров был нужен всем, и все его знали. А просто Гуров уже никому не нужен, и знать с ним никто не хочет. Видели этого, который вот тут сидел? Заместитель генерального директора завода! Раньше на другую сторону улицы не ленился перебежать, чтобы со мной поручкаться. А теперь, видите ли, я не подхожу ему в качестве начальника службы безопасности.

– Как же вас угораздило из полиции уйти? – удивился Финагенов.

– А вот так, – ответил Гуров и показал пальцами, как он ушел. – Правда, я еще дверью хлопнул. И рапорт швырнул.

– Так вас выгнали, что ли?

– Что-о! – взревел Гуров, пытаясь приподняться из-за стола. – Меня?! Я сам ушел, слышите? Сам! Гуров не цирковая собачка, Гуров – самый опытный сыскарь в стране. И что Гуров имеет? А ничего! Я столько лет хожу в полковниках, сколько на свете не живут. И вы думаете, мне каждый день предлагают генеральскую должность? Хрен вам! Гуров

нужен всем в качестве вола, на котором можно пахать день и ночь, день и ночь... Вот! – Он резко полоснул большим пальцем себе по горлу. – Вот где у меня ваш розыск! Надоело считать деньги до зарплаты, копить их на ремонт квартиры, виновато смотреть жене в глаза на Восьмое марта и в день рождения, поднося дешевые букетики с рынка. Надоело, понимаете? Я мужик! И я себя уважаю.

Гуров все же умудрился подняться из-за стола. Он постоял некоторое время, опираясь кулаками на стол и глядя ненавидящими глазами в лицо бизнесмена. Потом молча протянул сложенные дулей пальцы и ткнул Финагенову прямо в нос.

– Во-от! Вот вам всем! Не цените, так выкусите! – Насупившись, он полез в карман брюк, достал горсть мятых купюр, долго копался в ней, потом вытащил пяти тысячную и бросил на стол. После чего тяжелой походкой направился к двери, бормоча себе под нос: «не цените», «выкусите» и «пошли вы все».

Сергей Владимирович позвонил Корулю тут же, но встретиться они смогли только в пять часов вечера.

– Ну, рассказывай, что там у тебя за кандидат появился? – поинтересовался Борис Осипович.

– Полковник Гуров, – с загадочной улыбкой ответил Финагенов.

– В каком смысле? – удивился Коруль. – Не понял.

– В смысле, что он бывший полковник.

– Гуров? Бывший? Он ушел из органов? Как-то не верится.

– Сегодня я имел с ним беседу, насколько это было возможно, учитывая его состояние. Пьян он был до полной потери сознания и наплел мне такого... Одно понятно, что он на что-то там обиделся, психанул и подал рапорт. Или как у них это там называется. Генералом он, видите ли, Борис Осипович, хотел стать. А ему в очередной раз обломилось. Очень сильно обижен мужик на весь белый свет.

– Любопытно, любопытно, – почмокал губами Коруль. – Странно только, что он в загулы кинулся, а не работу по достоинству искать. Я всегда полагал, что такие люди, как этот Гуров, и пяти минут без дела не просидят. Обязательно кто-нибудь сманит под свое крыло. А он, значит, по ресторанам шатается? Очень странно...

– Не очень, Борис Осипович. Как раз при мне происходила встреча. Гуров сказал, что этот человек был из руководства какого-то большого московского завода, и я понял, что полковник рассчитывал на вакансию начальника службы безопасности. А ему отказали. Знаете, что он там мне кричал? Что полковник Гуров был всем нужен, а просто Гуров – никому.

– Видишь ли, Сергей, – своим обычным поучающим тоном заметил Коруль, – не внушают мне доверия люди, которые не умеют держать удары. В жизни случается всякое, а если человек из-за такого пустяка кидается с головой в рюм-

ку, то доверять ему сложно.

– Вряд ли для него это пустяк, он ведь всю жизнь проработал в полиции и ничего другого не умеет. Думаю, законно было бы ожидать достойного завершения карьеры в генеральском чине. Наверное, для него это крах всех его амбиций. Вряд ли такое можно назвать пустяком.

– Ну, не знаю, не знаю, – покачал головой Коруль. – Хотя работу он все же подыскивает, а не просто просаживает выходное пособие... Безусловно, Гуров – человек сильный и не глупый. Есть в нем лидерские качества, умение просчитывать ситуацию, знание людей. Вариант неплохой, только бы не столкнуться нам с человеком, который на обманутых надеждах сломался.

– Вы думаете, что такие ломаются? – с сомнением спросил Финагенов. – Больше похоже на то, что ему нужна разрядка, выход накопившегося негодования. А дай мы ему сейчас настоящее дело, дай надежду на достойное положение в обществе, на достойные доходы, и он еще как развернется! Энергии в нем всегда было хоть отбавляй.

– Да, я это видел, когда мы с ним общались. Да и наслышан о Гурове немало. Ладно, Сергей, давай попробуем. То, что он справится со своей ролью – я не сомневаюсь. Другое дело, согласится ли? И будет ли послушен в дальнейшем?

– Думаю, что чисто психологически он будет послушен. Он ведь всегда ходил в подчиненных. И начальником МУРа Гуров не был, насколько я знаю, и в министерстве в ря-

дах всего лишь рядовых работников. Человек привык подчиняться, привык к военной дисциплине. Дадим достойное вознаграждение, и порядок. За столько лет послушание у него уже в крови.

– Психолог! – снисходительно усмехнулся Коруль. – Философ! Шаблонно к вопросу подходишь. К незаурядным личностям обычные шаблоны неприменимы.

– Так вы против? – стал терять терпение Финагенов.

– Нет, почему же? Давай попробуем. Ты с ним пообщался сегодня? Вот и продолжи общение. Постарайся встретиться как бы невзначай, напхни разговор, прощупай на трезвую голову.

Вячеслав Мальцев, известный лидер движения за экологию области, шел по коридору здания областной думы быстрым шагом. Ему предстояло вечером выступать на заседании комитета по экологии с проектом новой программы, а хотелось еще успеть встретиться с представителем немецкой фирмы «Либо» господином Циммерманом. Не просто встретиться, а именно приехать на подмосковный завод по переработке мусора в Борисов и показать, что он участвует в жизни предприятия, проявляет заботу и внимание. Как-никак, а именно стараниями его, Вячеслава Мальцева, был продвинут проект немецкой линии. И эти старания имели вполне определенный материальный эквивалент.

– Вадим Иванович! – сделал Мальцев удивленно-привет-

ливое лицо, заметив в коридоре вице-мэра Покровска, который до окончания выборов исполнял обязанности мэра вместо так нелепо погибшего в автокатастрофе Чуканова. — Какими судьбами?

— Рад приветствовать, — сухо кивнул неулыбчивый Захаров. — По казенным нуждам. Опять застряли деньги из обещанного областного финансирования. И постановление подписано полгода назад, и исполнять никто не отказывается. Воду в ступе толчем, а в конце года с меня спросят освоение.

— Ну, до конца года еще дожить надо, — покровительственно похлопал Мальцев по плечу вице-мэра и осекся. Фраза выглядела двусмысленно не только по причине трагедии с Чукановым. Мальцев гарантировал Захарову, что выборы пройдут как надо, и он станет новым мэром Покровска. — Шучу, конечно, Вадим Иванович! Доживем и до конца года, и до конца света. Вы, если ничего сегодня не решите, напомните мне утром по телефону. Обещать не буду, но постараюсь кое-кого подтолкнуть и обстановку выяснить. Как у вас там дела в городе?

— Работаем, — усмехнулся Захаров, понимая, что именно интересует областного депутата. — Опять ищут со мной встречи по поводу проекта завода.

— Никаких контактов, Вадим Иванович, даже не встречайтесь. Еще немного подождем, и я вам сообщу, когда и с кем мы будем иметь дело. Это все проходимцы и несерьезные люди, я наводил справки.

– Я помню, потому и рассказываю.

– Вот и правильно, – одобрительно произнес Мальцев. – Ну, желаю удачи. А завтра, если проблему не снимете, обязательно позвоните.

Захаров был свой человек. Мальцев тянул его уже лет восемь, постепенно поднимая по иерархической лестнице. Но тянул не открыто, а так, наблюдал, показывал свое расположение, оказывал иногда помощь, а в удобный момент проталкивал его кандидатуру на нужное место. И только потом, через своих доверенных лиц, давал возможность узнать Захарову, что именно с подачи его, Мальцева, он прошел на ту или иную должность, что именно Мальцев отстаивал его кандидатуру как наиболее подходящую и перспективную.

Встретиться с Циммерманом Мальцев должен был не один, а вместе с главным учредителем завода Алексеем Николаевичем Шацким. Последнего Мальцев терпеть не мог, но терпел, потому что у того были деньги. Деньги и связи в банках. Теоретически Шацкий мог получить любой разумный кредит на очень хороших условиях. И он его получил, когда утверждался проект строительства завода в Борисове с инвестициями немецкой фирмы «Либо».

Но терпеть Мальцев не мог бизнесмена по другой причине. Их связывало общее прошлое. Вячеслав Мальцев, а тогда, в восьмидесятые, просто Славян, был неплохим боксером. Ничего, кроме этого, он не умел, а хотеть большего еще не умел. Точнее, хотеть-то он хотел, но желания его были

незамысловаты и заключались лишь в материальном. Более взрослые пацаны сориентировались в криминальной среде тех времен быстро, примкнув к той или иной группировке. Нашлась работенка и Славяну. Сначала просто кулаками помахать и вразумить того или иного неговорчивого предпринимателя, а потом представился случай оказаться в нужное время и в нужном месте.

Местный авторитет по кличке Калач, на которого работал Славян, очень удачно развернулся в Марьиной Роще. Был он умен, хитер и не жаден, когда дело касалось поддержания отношений с другими криминальными лидерами. Но передел территорий не прекращался ни на минуту, и влиянию Калача кое-кто решил положить конец. Славян абсолютно случайно оказался в том месте, где на Калача должно было совершиться покушение. Одним ударом он тогда убил стрелка, спутав все планы нападающих. «Быки» Калача довершили дело, обезоружив бойцов конкурента. Всех вывезли за город, на свалку. Потом выводили по одному из машин со связанными за спиной руками, ставили на колени и со смешками и прибаутками убивали одним ударом ржавой отвертки в ухо.

Калач после этого случая приблизил Славяна, сделав его своим телохранителем. Прошло еще три года беззаботной и лихой жизни, когда можно было не считать копейки, не экономить денег на бензин для своей старенькой, но крепкой «девятки». Правда, жила в нем зависть к тем, кто ходил в друзьях у Калача, в партнерах. Среди них был и Шац-

кий. Они что-то там замутили с Калачом, и Шах, как звали Шацкого в их кругах, на время исчез. Появился он спустя несколько лет, как выяснилось, из Польши, где налаживал работу бригад, обиравших русских мужиков-перегонщиков. Много в то время шло через Польшу подержанных машин, которые гнали из Германии.

Эта командировка спасла Шацкому жизнь, потому что Калача и еще десять его приближенных, в том числе и телохранителей, в один воскресный день убили. Лежать бы в этом придорожном кафе и Славяну, но судьба миловала парня. Его Калач отправил за хорошими сигаретами в магазинчик на соседнюю заправку. А когда Мальцев вернулся, то увидел, что вокруг полно полиции, а из кафе выносят на носилках тела, накрытые простынями, и простыни эти пропитаны местами кровью. Мальцев не стал подходить близко.

Лишь много дней спустя он узнал, как было дело. В самый разгар пирушки в кафе, где, кроме братвы Калача, никого не было, вошли двое молодых серьезных мужчин. Никто не успел обратить на них внимания, чувствуя себя королями жизни и этого излюбленного места отдыха. Незнакомцы сунули руки за спину под куртки, и в каждой руке у них оказалось по пистолету. Все произошло очень быстро. Стреляли эти двое профессионально и сразу с двух рук. Хладнокровно, тратя по одной-две пули на человека, они за какие-то десять секунд убили всех. Так же хладнокровно прошли по кафе, перешагивая через окровавленные подергивающиеся тела, и

еще несколькими выстрелами добили тех, кто не умер сразу.

Долго обсуждалось в народе это событие, особенно когда при входе на кладбище люди увидели одиннадцать могил, сверкавших черным мрамором всегда чисто вымытых плит с фамилиями бандитов. Кто-то поговаривал о киллерах, нанятых конкурирующей группировкой, кто-то о руке КГБ, которому хитроумный Калач надоел хуже пареной репы. В любом случае, убийство совершили профессионалы высочайшего класса, а не простые «быки».

На борисовский завод Мальцев все же опоздал к назначенному времени. Начальник службы безопасности Стас Вереин встретил депутата у ворот.

– Немец приехал? – вместо приветствия осведомился Мальцев.

– Пунктуально, – усмехнулся Вереин, – минута в минуту. И наши пробки ему не страшны. Пойдемте, они сейчас у четвертого цеха.

Худошавый, узкоплечий Циммерман выделялся в группе людей, возвышаясь на целую голову. Он что-то показывал, активно при этом жестикулируя. Мальцев знал, что Ханс Циммерман в прошлом был капитаном инженерных частей армии ГДР. Военное прошлое значительно усугубляло и без того утомительные для русского человека чисто немецкие качества: обязательность, пунктуальность, аккуратность. Всего этого представитель немецкой фирмы «Либ» требовал и от своих партнеров, не стесняясь попрекать

и иронизировать. По-русски он говорил свободно, только с сильным акцентом.

– Ханс! Приветствую вас! – расплылся Мальцев в жизнерадостной улыбке, протягивая руку, еще не дойдя до немца. – Еле вырвался! Извините, дела государственные...

– Да, здравствуйте, Вячеслав, – повернулся Циммерман к Мальцеву и без паузы начал свои неизменные упреки: – Опять вы не готовы к переговорам. Я просил к сегодняшнему дню приготовить кроки площадки, экономическое обоснование...

– Мы не готовы? – привычно попытался возразить Мальцев, ссылаясь, что лично он тут ни при чем, но вовремя осекся. Циммерману было абсолютно все равно, кто тут главный и кто за что отвечает. Влез депутат в проект как важное лицо, как представитель местной власти – будь добр помогать и выслушивать упреки. Для немецкого менталитета абсолютно чужда ситуация, когда вокруг какого-то важного серьезного дела отирается с важным видом человек, который ни за что не отвечает, не разбирается в сути и тонкостях вопроса, но строит из себя начальника.

– Балмасов, – недовольно скривил губы Мальцев, обращаясь к директору завода, – почему у тебя люди работают с такой ленью? Что, нельзя было поторопиться? Стыдища!

– А кто мне сроки называл? – со злостью ответил директор. – Мне толком даже задачи никто не поставил. Между делом сказали, что надо сделать для немцев, они скоро при-

едут. Я только утром узнал о приезде Ханса.

– Ты на меня голос не повышай, – опешил Мальцев от такой наглости.

– Ладно, хорош тебе, – буркнул Шацкий и оттер плечом депутата от своего директора. – Без тебя разберемся.

Мальцев скрипнул зубами, но проглотил обиду. Надо стерпеть, если он хочет и в дальнейшем кормиться с этого проекта. Не будь Шацкий основным собственником, Мальцев давно уже устроил бы ему массу неприятностей. Но у бизнесмена хватало и своих связей, чтобы не бояться ссоры с депутатом.

При всех своих связях ни Коруль, ни Финагенов выяснить домашний адрес Гурова не смогли. Домашние адреса оперативников полиции держались в секрете и не значились в доступной справочной системе. Не появлялся бывший полковник в последующее два дня и в «Баварии». Финагенов перебрал все варианты, но так и не придумал, как ему разыскать Гурова.

Встретил он его случайно только на третий день, когда ехал утром из дома в офис. По внешнему виду Гурова можно было понять, что он не ночевал дома, а его одежда выглядела так, будто провела ночь небрежно брошенной на стул. Финагенов велел водителю остановить машину, выскочил на тротуар и с добродушной улыбкой двинулся навстречу сыщику, но Гуров, рассеянno смотревший под ноги, только толкнул

его плечом, проходя мимо, и буркнул извинения.

– Лев Иванович! – с укоризной в голосе позвал Финагенов.

Гуров недовольно обернулся, бросив взгляд по сторонам, как будто проверял, нет ли свидетелей на улице. Уставившись на бизнесмена в дорогом костюме, сыщик выжидательно стоял, не проявляя готовности здороваться и вообще общаться. Финагенов, продолжая с укором качать головой, подошел вплотную. Лицо Гурова было не менее помятым, чем его летние брюки и рубашка с грязным воротником. Мешки под глазами красноречиво говорили о том, что пьет сыщик уже давно.

– Что-то вы не здороваетесь, Лев Иванович, – улыбнулся Финагенов.

– Мы знакомы? – поморщился Гуров, видимо, лихорадочно вспоминая лицо собеседника.

– Ну, как же! – отозвался Финагенов таким тоном, словно их с Гуровым связывало никак не меньше, чем совместный кругосветный круиз на частной яхте. – Вы допрашивали меня несколько раз, и на днях мы с вами беседовали в ресторане.

– О чем? – настороженно спросил Гуров.

– Ну-у... да, так болтали, – отмахнулся бизнесмен. – Как у вас с поиском работы? Подыскали что-нибудь достойное?

– Ваша фамилия Финагенов, – вспомнил наконец сыщик. – А я что, вам что-то рассказывал?

– Лев Иванович, я хотел с вами поговорить об одном важном деле, – пресек бизнесмен надоевшее ему препирательство. – Давайте куда-нибудь зайдем, по чашечке хорошего кофе выпьем, поговорим.

– О чем? – угрюмо осведомился Гуров. – Я ведь в полиции уже не работаю.

Финагенов в который раз мысленно чертыхнулся. Он подозревал, что Гуров находился в таком состоянии, в котором его мозги работали с большим трудом. Мелькнула мысль, сможет ли он вообще выполнить все задуманное.

– И отлично, что не работаете! – заверил полковника Финагенов. – И отлично. Как раз это то, что нужно. Пойдемте, вон видите кафе «Восток-Запад»? Отличный кофе там готовят.

Гуров облизнул губы и, наконец, кивнул. Казалось, он готов был попросить не кофе, а чего-то покрепче, но постеснялся. Финагенов чуть ли не силой потащил полковника к дверям кафе.

Он пошептался с официанткой, и Гурову принесли кофе с двойным коньяком. Полковник пил его жадно, обжигая пальцы и морщась при каждом глотке. Бизнесмен смотрел, как лицо его розовеет, а в глазах появляется живой лихорадочный блеск. Сам он потягивал капучино и улыбался.

– Я так понимаю, что с работой вы, Лев Иванович, еще не определились, – начал Финагенов. – Судя по вашему рассказу в прошлый раз, – бизнесмен кивнул в ответ на быстрый

взгляд полковника, — да-да, в прошлый раз вы, если помните, поделились обстоятельствами своего ухода со службы. И вот я подумал, что вам сейчас нужна не просто работа, на которой вы смогли бы с блеском проявить все свои таланты, а такая работа, где вы могли бы максимально реализоваться как личность, и такой сложности, чтобы у вас не оставалось времени просто даже вспоминать ваши неприятности. Вдобавок вы поправите свои финансовые дела, обеспечите свою семью на долгие и долгие годы.

— Вы меня зовете на работу к себе? — наконец спросил Гуров хриплым с перепоя голосом.

— С удовольствием бы позвал вас и к себе на работу, но, к сожалению, у меня пока нет открытых вакансий. Я предлагаю вам работу, как бы это сказать, на благо родины. Хотите попробовать себя на административно-хозяйственном поприще, только не в рамках одной фирмы, а гораздо масштабнее?

— А что, образовалась вакансия президента России или премьер-министра? — с унылой ухмылкой осведомился Гуров.

— Образовалась вакансия мэра одного небольшого подмосковного города.

— Понятно. Значит, вы заняли вакансию президента и раздаете должности мэров городов, — с той же непонятной интонацией проговорил Гуров.

— Я понимаю, что вы мне не верите, — терпеливо ответил

Финагенов. – К вашему сведению, мэров у нас пока не назначают, а выбирают демократическим путем. Поэтому все просто! Мы предлагаем вам баллотироваться в мэры Покровска, берем на себя расходы по предвыборной кампании, а вы, став мэром, протягиваете наш инвестиционный проект по строительству шведского завода по переработке бытовых отходов. И никакого криминала, если это вас беспокоит.

– Все равно не понятно, – пожал плечами Гуров. – На кой ляд я-то вам сдался? Баллотируйтесь сами, на здоровье!

– У меня лучше получается бизнес, – доверительно сообщил Финагенов, – а тут чисто административные вопросы. Плюс ваше прошлое. Полковник МВД, известный сыщик Гуров – это гарантия! Вам поверит электорат, на вас будут возлагать надежды, вы гарантия законности, борьбы с преступностью, в том числе и коррупцией. У вас все козыри в руках, Лев Иванович. Теперь понятно?

– Теперь понятно, – задумчиво кивнул Гуров. – Понятно, только очень все это неожиданно. Как-то я себя в такой роли никогда не представлял.

– У вас получится, – заверил Финагенов. – Вы сильная личность, ума и энергии вам не занимать.

– Лестно, – ухмыльнулся Гуров. – Но все же меня беспокоит еще один вопрос. А не потребуете ли вы с меня впоследствии решения еще каких-то вопросов, которые будут идти вразрез с моими убеждениями? Не потребуете ли нарушить закон в один прекрасный момент? Причем под угрозой

возмещения понесенных вами на предвыборную программу затрат?

– Лев Иванович, ну, что вы в самом деле! – возмутился Финагенов. – Мы же не на Сицилии. Договоров с вами заключать не будут, по крайней мере, письменных. Возмещать ничего не придется. Нужно просто пообещать, что вы будете работать в нашей команде. А команде интересно, чтобы в Покровске, вполне легально и без нарушения законов, был построен завод. Для города это большой плюс, это плюс и в ваш актив, как начинающего мэра. А стимул? Стимул простой, и основываться он будет не на угрозах или другом шантаже. Вы будете иметь вполне конкретный и регулярный доход от деятельности завода. Уверяю вас, что сумма эта заставит лично вас работать в нужном направлении с полной самоотдачей. Логично?

– Не совсем, – упрямо покачал головой Гуров.

– Ну, что еще? – стал терять терпение Финагенов.

– Зачем вам понадобилось тратить деньги на выборы, если вы можете вполне спокойно дожидаться их результатов? Они ведь так и так должны состояться? Ну и предложили бы все ваши условия тому, кто придет к власти. А?

– Вы правы, но только формально, – замылся Финагенов. – Это чисто поверхностное суждение.

– Не крутите, – потребовал Гуров, и глаза его строго сузились. – Я жду конкретного ответа на конкретный вопрос.

– Хорошо. Реальный конкурент там на выборах – и вооб-

ще реальный кандидат на должность мэра – всего один. Это нынешний вице-мэр, исполняющий обязанности мэра в настоящее время, Вадим Иванович Захаров. Человек он тяжелый, упертый, хотя хороший хозяйственник и администратор. Но у нас есть все основания полагать, что он подкуплен нашими конкурентами. Вывод очень простой – он нам уже категорически отказал и больше не идет ни на какой контакт.

– А что же вы так поздно спохватились? Надо было при предыдущем мэре все это начинать. Или он вам тоже отказал?

– Как раз не отказал, а был полностью согласен. Только вы, наверное, не знаете, что мэр Покровска недавно погиб в дорожной аварии. И не смотрите на меня такими глазами, – рассмеялся Финагенов. – Вы сейчас по своей сыщицкой привычке начнете искать чью-то руку и подозревать преступление. Следствие заканчивается, никакого криминала оно не нашло. Чистый несчастный случай, которые, увы, иногда случаются.

– Или я ничего в этих делах не понимаю, – вздохнул Гуров, – или вы чокнутые. Не знаю, что вам ответить. Мне нужно подумать.

– Подумайте, кто же спорит, – согласился Финагенов. – Думать нужно всегда. А чтобы вам легче думалось... – Бизнесмен вытащил из внутреннего кармана пиджака записную книжку, авторучку и на чистом листе написал две цифры. Затем повернул книжку к собеседнику и постучал по стра-

нице авторучкой. – Верхняя цифра – ваше ежемесячное содержание, начиная с того дня, когда вы дадите согласие. После выборов к этой сумме добавится официальная зарплата мэра. Нижняя цифра – ежемесячное вознаграждение, которое добавится после вступления в силу проекта. Ну, скажем, после выхода постановления о земельном отводе под строительство.

Гуров равнодушно смотрел на записную книжку.

– Вы не поняли, Лев Иванович, это не в рублях, а в долларах, – пояснил Финагенов. – И вот вам моя визитка. Надумаете – звоните. – Он с удовольствием смотрел, как у бывшего сыщика ползут вверх брови от изумления. Наверняка таких денег Гуров не получал никогда. И не получит, если даже вернется в органы и станет генералом.

Коруль, когда узнал, что встреча с Гуровым состоялась, не стал ничего расспрашивать, а потребовал, чтобы Финагенов приехал тотчас же. Встретились они в квартире Бориса Осиповича.

– Самое главное, – с ходу потребовал Коруль, когда Финагенов вошел, – он согласился?

– Думаю, что согласился.

– Что значит, ты думаешь? Он дал согласие?

– Конкретно не дал, но я видел, какими глазами он смотрел на суммы, которые я ему, с вашего разрешения, показал. И вопросов задавал слишком много. Неудобных вопросов,

но на то он и известный сыщик.

Коруль заставил своего партнера пересказать в деталях весь разговор с Гуровым. Он часто перебивал, уточняя, как полковник реагировал на то или на это. Очень подробно и точно велел воспроизвести вопросы, которые сыщик задавал Финагенову.

– Одно радует, – наконец удовлетворился ответами Коруль, – что он окончательно мозги не пропил. Его вопросы были направлены в самое уязвимое место нашей затеи...

Договорить Коруль не успел, потому что в квартире зазвонил телефон. Перекинувшись парой слов с тем, кто звонил, Борис Осипович многозначительно посмотрел на Финагенова и включил внешний микрофон на аппарате. В комнате слышался мужской голос:

– ...однозначно, что он не просто написал рапорт и ему его подписали. Не скажу, что его со скандалом выгнали, – человек явно усмехнулся, – таких работников не выгоняют, потому что на них все держится, но ушел твой Гуров с шумом. Кому-то он там нахамил при этом, в кого-то чем-то швырнул... Одним словом, нашла коса на камень.

– Ты хочешь сказать, что Гуров написал рапорт об увольнении сгоряча? – стал уточнять Коруль.

– Думаю, что все к этому шло. Мужик умный, цену себе знает, а перспектив, я так понял, никаких. И генеральские погоны ему не светят, и устал он, я думаю. Работенка у них, я тебе скажу, не очень мирная и несладкая. Вот нервы и по-

истрепал.

– И что, ему так трудно найти работу?

– Звать его стали чуть ли не в первый же день, – рассмеялся человек в трубке. – Два или три крупнейших и самых элитных детективных агентства Москвы приглашали.

– И не пошел? Или зарплата не устроила?

– Послал он их, когда узнал, что опять сыском зовут заниматься. Видимо, у него теперь к этому делу что-то вроде идиосинкразии. На нервной почве. В службу безопасности тоже идти не хочет. По крайней мере, про один его отказ мне говорили.

– А я вот слышал, что он просился в СБ одного большого завода, но ему отказали, – с сомнением вставил Коруль.

– Не знаю, не знаю. Может, на завод он и хотел, потому что там просто охрана, а вот экономической безопасностью руководить в большой фирме он не хочет. Опять с криминалом сталкиваться у него, видите ли, желания нет. А еще говорят, что запил полковник крепко.

– Ну, понятно, спасибо тебе, – поблагодарил человека Коруль. – С этим Гуровым все ясно. Думаю, что на хозяйственную работу он согласится. Там нужны только командирские навыки, опыт общения и твердый характер.

– Ну, попробуй, – с сомнением ответил человек в трубке.

– Кто это? – кивнул на телефон Финагенов, когда Коруль повесил трубку.

– А... неважно. Просто попросил навести справки. Ска-

зал, что хочу его на одно предприятие сложное заместителем директора взять. По общим вопросам.

Гуров позвонил на следующий день. Голос его был сухим и, как показалось Финагенову, даже немного неприязненным. Бизнесмен отнес эти интонации на счет того, что бывший сыщик считает, что идет на определенную сделку со своей совестью. Однако фраза, что Гуров согласен, Финагенова обрадовала. Он предложил не откладывать дело в долгий ящик и встретиться сегодня же вечером. Такой вариант они с Корулем обсуждали и были к нему готовы. Встречу назначили в офисе Финагенова, чтобы можно было поговорить обстоятельно и без шума, присущего любому ресторану или кафе. Разговор предполагался быть чисто деловым.

Бывший сыщик явился минута в минуту. Был он чисто выбрит, одет в хороший костюм с галстуком, но слишком угрюм и бледен. Бизнесмены, как люди, не далекие от практической психологии в силу своей деятельности, сразу обратили внимание, что сыщик нервничает. Лицо и голос у Гурова были спокойны, движения неторопливы, только руки выдавали его волнение. Пальцы нервно сплетались и расплетались, сжимались в кулаки. Впрочем, Гуров и сам, наверное, заметил, что руки его выдают. Он уселся в предложенное ему кресло и откинулся на спинку. Руки положил на подлокотники, чуть сжав их, и больше ими не шевелил.

– Ну, что же, Лев Иванович, – начал разговор Коруль, по-

сле того как напомнил факт их знакомства и убедился, что сыщик его помнит. – Думаю, что вы все обстоятельно взвесили и приняли решение. Мне еще раз повторить суть нашего с Сергеем Владимировичем предложения или в этом нет необходимости?

– Нет, – коротко ответил Гуров. – Я все прекрасно понял.

– И у вас больше не возникло вопросов?

– Сейчас их задавать смысла не вижу. Вопросов много, но я так понимаю, что важна принципиальная договоренность. Вы в принципе сказали, чего хотите от меня, что предлагаете. Я в принципе даю свое согласие.

– Приблизительно так, – кивнул Коруль. – И все же мне хотелось бы убедиться, что вы все поняли так, как оно есть на самом деле.

– Не волнуйтесь, – скупой улыбнулся Гуров одними губами, – я все понял так, как оно есть. Вам нужна марионетка. Вы готовы ей хорошо платить. Марионетка должна представлять ваши экономические и коммерческие интересы в Покровске.

– Экономические и коммерческие – это одно и то же, – не удержался от замечания Коруль.

– Возможно, – дернул щекой Гуров. – Я не специалист. Единственное условие, которое я хочу поставить, – нарушать закон категорически отказываюсь. Более того, если вы будете его нарушать, то я и вам буду мешать это делать.

– Простите, – возмутился Коруль, – но за кого вы нас при-

нимаєте? Это бизнес, Лев Иванович, чистый бизнес. Будь мы преступниками, мы бы действовали угрозами, подкупом, шантажом... Не знаю... взятки бы раздавали на все стороны. Но мы, как видите, этого не делаем. Мы идем вполне законным путем.

– А то, что вы мне предлагаете, – это не подкуп?

– Подкуп? Вот не ожидал столь скоропалительного суждения от такого опытного и грамотного человека! Мы, Лев Иванович, предлагаем вам работу, работу в команде. Мы платим вам приличную зарплату, вы идете на предвыборную кампанию и становитесь с нашей помощью мэром. А уже будучи мэром, вы будете не мзду получать за продвинутый проект, а являться соучредителем, со всеми вытекающими отсюда материальными благами.

– Я понимаю Льва Ивановича, – поспешил вставить Фи-нагенов, – ситуация на первый взгляд выглядит так, будто он продается, а это претит его самолюбию и чести офицера. Но Борис Осипович все ведь объяснил вам. Вы расстались с органами и теперь свободный человек. Мы предлагаем вам долю в бизнесе, в соответствии с вашими талантами и возможностями.

– Ладно, хватит агитировать! – огрызнулся Гуров. – Вы мне на другой вопрос ответьте. Как я объясню любому нормальному человеку, откуда у меня деньги на предвыборную кампанию? Думаю, что затраты будут несравнимы с моим выходным пособием, а машину я продавать не буду, кварти-

ру тоже...

– Тут все просто, Лев Иванович, – успокоил полковника Коруль. – Деньги будут давать спонсоры, коммерсанты города. Фактически они будут оплачивать все счета, которые им принесут доверенные лица кандидата, то есть ваши.

– То есть вы им руки будете выкручивать?

– То есть они на этом немного подзаработают, – рассмеялся Финагенов. – Для них это дешевый способ обналичивания денег. Чтобы получить неучтенные наличные, они должны состряпать липовые договора, а это не всегда безопасно с точки зрения встречных проверок и санкций налоговой инспекции; эти органы четко видят все схемы ухода от налогов. Здесь же они со своей прибылью оплачивают спонсорские счета, а мы им возвращаем эти деньги наличными, минуя кассу. В карман. Кстати, такая схема обычно требует затрат до десяти процентов, а мы их брать не будем. Так что – чистая выгода.

– Ладно, запудрили вы мне мозги, – вздохнул Гуров. – Говорите, что делать. Согласие свое я дал. Что дальше?

– А дальше, – величественно произнес Коруль, который сразу успокоился и вернулся к обычной для себя манере общения, – дальше, извините, вы должны бросить пить, Лев Иванович. И привести себя в порядок.

– Считайте, что бросил, – хмуро ответил Гуров. – Со вчерашнего дня. А... что во мне еще не так, не в порядке?

– После вашего запоя выглядите вы несколько специфич-

чески... хм, как после запоя. И цвет лица не тот, и взгляд не орлиный. А вы ведь должны будить воображение избирателей, внушать доверие и любовь... Первое и самое важное на этом этапе – отдых.

– Как – отдых? – удивился Гуров. – Я думал, что время поджигает. Да и вникнуть мне нужно во всю эту кухню. Тоже не на один день работы...

– Все верно, Лев Иванович. Я имею в виду отдых не в плане валяния на пляже, а восстановления здоровья, прохождения соответствующих процедур. Две недели вы проведете в подмосковном санатории. Но в течение этих двух недель, параллельно процедурам, вы познакомитесь и, так сказать, с фронтом работ.

– Туда вы отправитесь завтра утром, – добавил Финагенов. – Я пришлю за вами машину к шести утра. С собой, кроме предметов личной гигиены, брать ничего не нужно. Все – от плавок и халатов, кончая шапочкой для душа Шарко и тапочек, – вам там предоставят. Я привезу помощника, но для вас он будет скорее учителем и наставником. Это грамотный и опытный пиарщик, за плечами которого не одна успешно проведенная через выборы кандидатура. Слушаться вам его придется, как маму в детстве.

– И чему он меня будет учить?

– Всему. Начиная от походки и взглядов и кончая ораторским мастерством. Он и речи ваши писать будет, и программу кампании составит и реализует, и за конкурентами ва-

шими последит. Ваше дело – следовать его советам во всем, даже в мелочах. Вы должны будете перестать быть полицейским, сыщиком, а научиться быть публичным человеком, политиком. Кстати, вы ведь женаты?

– В моем возрасте холостым ходить как-то неприлично.

– Удачная шутка, – улыбнулся Финагенов. – Очень в тему. Для кандидата в политики крепкая и правильная семья – это главное. Придется нам и супругу вашу несколько привлечь к публичным мероприятиям.

– Не выйдет.

– Почему?

– Она у меня на гастролях и вернется только через два месяца...

Гурову приходилось бывать в санаториях и пансионатах. За свою жизнь он не раз отдыхал и в ведомственном санатории для старших офицеров. Но что такое современный санаторный VIP-комплекс, осознал только здесь. Пансионат назывался «Сенеж» и располагался, естественно, на Сенежском озере под Солнечногорском. Водитель Финагенова, молодой молчаливый парень, со знанием дела подрулил к невысоким автоматическим воротам, коротко что-то сказал охраннику, и ворота послушно распахнулись. В холле он представил Гурова, вежливо кивнул ему и удалился. Через две минуты Лев очутился в руках вымуштрованного и предупредительного персонала.

Его проводили на второй этаж в номер. Девушка с бейджиком «Гостевая служба. Оксана» распахнула дверь, и перед Гуровым предстал во всей красе просторный двухкомнатный люкс. Обширный коридор заканчивался санузлом, в котором, кроме унитаза, биде и душевой кабины, имелась и ванна-джакузи. Направо арка открывала большую гостиную комнату с мягким кожаным диваном, креслами, баром, картинами, напольными вазами и плазменным телевизором на стене, а налево вела дверь в спальню и в гардеробную комнату.

– Вы приехали без вещей, – не столько спросила, сколько констатировала Оксана. – Мы можем предоставить вам все необходимое. На процедуры и приемы специалистов у нас принято ходить в специальных медицинских костюмах. – Девушка отодвинула перегородку в шкафу-купе и показала на вешалке комплект, напомнивший Гурову костюмы современных врачей, которые он видел в клиниках. Только здесь они были белого цвета. – У вас какой размер?

– Э-э... пятьдесят второй.

– Я так и думала, – улыбнулась девушка, отодвигая в сторону лишние костюмы на вешалках. – У вас очень спортивная мужественная фигура. Остальное уберет горничная.

Гуров хотел брякнуть, что у него не спортивная фигура, а заматеревшая, но сдержался.

– Здесь банные халаты из плотного материала и тонкие, на выбор. Если у вас что-то случится – испачкаете, например, –

то скажите горничной, она поменяет. Вот здесь внизу – тапочки. Банные, для хождения по номеру, на процедуры. Если хотите, мы можем предоставить вам и спортивную одежду. У нас есть теннисные корты, тренажерные залы, спортивные костюмы, спортивные трусы, футболки, головные уборы – все в вашем распоряжении.

– Я подумаю, – кивнул Гуров. – Сначала нужно послушать, что скажут медики.

– Конечно, Лев Иванович. Сейчас я советую вам отдохнуть примерно час, принять душ. Потом за вами придет медсестра и проводит вас на первый осмотр. Там вам сделают назначения, познакомят с распорядком и проводят к врачу-косметологу.

– А-а? Я, что...

– Косметологические процедуры необходимы всем, а не только женщинам, – улыбнулась Оксана. – Лечебные процедуры для кожи, волос, для общего омоложения организма...

– Верю, верю, – поспешно отозвался Гуров. – Отдаюсь полностью и безропотно в руки специалистов.

Осмотры, опросы и консультации заняли всю первую половину дня. Заполнялись какие-то карты, анкеты, Гурова крутили, щупали, мяти ему живот, светили лампочкой в глаза. Вынесенный специалистами вердикт сыщика несколько не удивил. Он был продуктом времени, а медицина уже прочно встала на коммерческие рельсы. Чем больше у тебя денег, тем больше болезней у тебя найдут. И печень у Гуро-

ва оказалась увеличенной, и нервное расстройство у него нашли, и серьезную озабоченность вызвало состояние сердечно-сосудистой системы. А уж кожные покровы вообще требовали всей мощи современной косметологии.

Гуров вежливо улыбался, кивал головой и охотно со всем соглашался. А почему не согласиться, если все оплачено? Нашли, так лечите. В конечном итоге, ему ведь не на операцию предлагали лечь. А процедуры... Большинство из них оказались очень приятными. Сыщик душевно пропарился, сидя в настоящей кедровой бочке. С наслаждением прошел через пилинги, массажи, обертывания. Сидел с масками на лице, а две девушки трудились над его ногами. Впервые Гуров узнал, что педикюр – это не только процесс ухода за ногтями ног, но и за ногами в целом. Пятки у него слегка горели, но ощущение, что они у тебя мягкие и нежные, как у новорожденного, было приятным.

Референт появился ближе к вечеру, когда Гуров после всех процедур нацелился вздремнуть перед ужином. Короткий деловитый стук в дверь был не похож на вежливый стук персонала. Дверь распахнулась, и в номер вошел щуплый, неказистый молодой человек очень неопределенного возраста. Был он какой-то весь костистый, пиджак висел на нем, как на вешалке, а в воротник рубашки, казалось, можно было всунуть еще две такие же куриные шеи. Но больше всего Гурова поразили откровенно крашенные волосы. Не подкрашенные, а именно радикально и откровенно окрашенные,

причем в какой-то неестественно-каштановый цвет.

– Здравствуйте, меня зовут Эдуард Николаевич, – представился незнакомец тонким пронзительным голоском. – Липатов Эдуард Николаевич. Я ваш референт.

Гуров некоторое время молча наблюдал утонченное аристократическое жестикулирование и пришел к выводу, что референт – гомосексуалист. Он вздохнул, демонстративно шаркнул ногой в тапочке и предложил:

– Прошу вас, присаживайтесь, Эдуард... Николаевич.

– Можно просто Эдуард, – без улыбки разрешил референт, не глядя на Гурова.

Он рылся в своем объемистом коричневом портфеле из дорогой кожи и выкладывал на журнальный столик какие-то папки, пластиковые скоросшиватели, буклеты на хорошей глянцевой бумаге. Гуров уселся в кресло напротив и терпеливо ждал продолжения. Он обратил внимание, что во время манипуляций руками у референта периодически мелькала часть руки выше кисти, и загорелая кисть контрастировала с девственной белизной кожи выше. Тот же эффект просматривался и на шее. Возникало ощущение, что крашеный референт никогда не снимает пиджака. Уж рубашки он точно на улице не снимает и рукава не засучивает. Интересно, а загорает он тоже в костюме? Хотя, видимо, не загорает, но много времени проводит под солнцем. Вопрос сорвался с языка сам собой.

– Скажите, Эдуард, – поинтересовался Гуров с самым

невинным видом, – а у вас есть дача, загородный дом?

– Есть, – остановил свои манипуляции референт и пристально посмотрел на Гурова. – В прошлом году я купил небольшой дом в Завидово. – Глаза у референта были неприятные. Бледно-серый цвет делал их абсолютно невыразительными, и смотрели они из-под редких светлых ресниц.

– И бассейн, наверное, во дворе есть? – вкрадчивым голосом спросил Гуров.

– Да, конечно, – ответил Эдуард, непонимающе хлопая своими бесцветными ресницами. – Вы не переживайте, – по-своему понял он вопросы Гурова, – все у вас будет. И машина хорошая, и дом за городом с бассейном. Главное – слушаться меня и ни на йоту не отступать от моих рекомендаций. Успех гарантирован.

– Слушайте, Эдуард, – оживился Гуров, откровенно валяя дурака, – а вы случайно в команде президента в последнюю предвыборную кампанию не работали?

– Работал, – после непродолжительной паузы ответил Липатов. – Политтехнологии – это мой хлеб, и вам нечего беспокоиться. Давайте перейдем к делу. Сначала поработаем над вашим имиджем. Вы кто?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Гуров успел машинально испугаться, что у референта не все дома, или он страдает кратковременным выпадением памяти.

– В каком смысле? – осторожно спросил Лев и покосился на входную дверь.

– В данном случае вопрос риторический, – отмахнулся Липатов. – Я имею в виду понимание вами своего образа. Вы – полковник полиции, работник Центрального аппарата уголовного розыска страны, человек, который достиг профессиональных вершин. Человек, который не удовлетворен существующим положением в стране и который оставил службу, чтобы ринуться на фронт борьбы с различными негативными проявлениями во власти. Вы бывший полицейский, поэтому вам ближе борьба с коррупцией, другими нарушениями закона; ближе те, кто пострадал от противоправных действий той же полиции. Ведь там, как и везде, есть недобросовестные и нечестные работники. Вот ваш образ! Вы энергичны, у вас богатый жизненный опыт, вы принципиальны и профессиональны. У вас горячее желание изменить этот мир к лучшему, встать на защиту обездоленных, обиженных, пострадавших. Вы бескомпромиссный борец. Таким проявили себя в борьбе с преступностью во время работы в полиции, таким и останетесь...

– ...в памяти народа, – не удержался от шутки Гуров.

– Мне нравится, что у вас хорошее настроение, – кивнул референт без всякого намека на улыбку. – Это соответствует вашему образу. Оптимист, здоровая психика...

– Я только хотел пошутить, – проямлил Гуров, который уже пожалел, что открыл рот.

– Запомните свой образ, – проигнорировал попытку своего подопечного оправдаться Липатов. – Вам, как актеру,

необходимо с ним сживатьься. Ваша жизнь на все время до выборов – сплошная репетиция и сплошной спектакль. Ни на шаг не отступать от роли, вести себя так, как ею предписано, – даже на процедурах, даже в общении здесь с персоналом, даже перед сном, когда вы уже потушили свет. И думать, как ваш герой.

– Даже в постели с женщиной? – брякнул Гуров и с интересом стал смотреть на реакцию человека, которого он считал педиком.

– А чем, простите, эта ситуация отличается от другой?

– Если вопрос снова не риторический, – глубокомысленно заметил Гуров, – то могу подробно описать, чем отличается поведение с женщиной в очереди в рыбный отдел гастронома от поведения с женщиной во время полового акта. В первом случае...

– Это к делу не относится, – строго прервал его Эдуард. – Вы живой человек, только в образе. Давайте перейдем к месту действия. Покровск. Что собой представляет этот населенный пункт? Провинциальным его с полным правом не назовешь. От столицы всего каких-то восемьдесят километров. Город промышленный, есть филиалы московских вузов, несколько средних специальных учебных заведений, квалифицированные рабочие кадры, развитая инфраструктура, коммерческая насыщенность на душу населения выше среднего.

– И что это в нашем случае значит?

– Это значит, что Покровск – современный, развитый город, который никак нельзя назвать отсталым или провинциальным. Здесь нужны практически столичные технологии, рассчитанные на высокий уровень интеллекта электората. Нельзя ограничиваться ассортиментом продовольственных магазинов или обещанием провести газ, нужно бить не на низменные, а на высокие потребности личности и общества. Для этого ваш образ просто отлично подходит. Ну-ка, попробуйте сами сформулировать свою позицию кандидата в мэры. За что вы собираетесь бороться в случае успеха?

– За светлое будущее. Но я могу сказать, с чем я буду бороться, – ответил Гуров, закинул ногу на ногу и устался в потолок. – С коррупцией в органах власти на всех уровнях; с казнокрадством; против криминала во власти, соответственно выявляя факты сращивания криминальных структур с чиновничьим аппаратом; с разгильдяйством, разумеется, и непрофессионализмом. Наверное, важна чистота и санитарное состояние города. В Покровске, я думаю, существуют те же проблемы ЖКХ, что и по всей стране. Все перечислил?

– Далеко не все, – покачал головой Эдуард. – Вы забыли социальную сферу.

И Липатов принялся перечислять все то, за что и с чем Гурову предстояло бороться на посту мэра. Говорил и перечислял референт минут пятнадцать. Сыщик сначала расслабленно кивал головой, развалившись в кресле, потом с беспо-

койством сел прямо, затем окончательно ударился в панику.

– Стоп, стоп, стоп! Закройте краник, Эдуард! Вы с ума сошли, что ли? Вы же мне сейчас пересказываете толстый том справочника по руководству к действиям провинциального мэра. Вы что, думаете, что я все это запомню с первого раза?

– Я просто хотел показать вам те безграничные возможности проявить себя, которые существуют на этом поприще, – без тени смущения заявил референт. – Программа может быть очень громоздкая. Вот вы сейчас возмутились. Теперь представьте, как к такой программе отнесутся избиратели, если вы будете ее вываливать в таком виде. Программа кандидата должна быть лаконичной и содержательной одновременно. Это как бренд, это должно подчеркивать ваше единственное достоинство, ваше яркое и важное отличие от других кандидатов – бить точно в цель, беспрепятственно и инстинктивно доходить до душ тех, на чьи голоса мы рассчитываем.

– Но это же невозможно, – вытаращил Гуров глаза. – Сотни тысяч людей, и все очень разные. Кто рабочий, кто бизнесмен, кто...

– А мы и не собираемся привлекать на свою сторону абсолютно всех. Это в самом деле невозможно. Нам нужна своя, специфическая категория избирателей. На них мы делаем расчет. Наш электорат – это большая часть населения, которая за границей именуется «средним классом». У нас он, правда, ниже среднего. Это простые люди, это работяги, до-

мохозяйки, неудачники, которые в советское время имели образование, профессию, а теперь оказались невостребованными и не нашли себя в новой капиталистической жизни. Вот кому нужно обещать заботу государства, защиту, особое и постоянное внимание. Эту категорию мы и будем целенаправленно обрабатывать.

– Все понятно, но объясните мне, пожалуйста, такой факт. Ведь у меня будут конкуренты, и они тоже не дураки. Вот мы с ними и сойдемся на одном слое населения в непримиримой борьбе. Что дальше? Победит тот, у кого денег больше? Обещать-то можно все, что угодно...

– Я вас перебую, Лев Иванович, – с постным лицом, которое Гурову уже стало надоедать, возразил Липатов. – Очень хорошо, что вы обратили внимание на этот момент. Значит, мыслите в правильном направлении, значит, мы в вас не ошиблись...

– Ближе к телу! – снова не подумав, брякнул Гуров, который всего лишь пустил известный каламбур, заменив в фразе слово «дело» на слово «тело». Такая шутка, если все же предполагать в Липатове гомосексуалиста, могла иметь далеко идущие последствия в отношениях с референтом. Гуров мысленно выругался, представив картину сексуальных домогательств Эдика.

– Мы тщательно проанализируем тактику и политику наших конкурентов, – не моргнув глазом, продолжил Липатов. – Это обязательная часть нашей работы. Я принес неко-

которые видеоматериалы и сейчас вам продемонстрирую.

Гуров тяжело, в голос, вздохнул. Месяц ему предстоял очень трудный. С одной стороны, вся эта канитель была, по большому счету, очень похожа на работу сыщика. Много фактов и факторов, много анализа и много материалов, которые нужно проанализировать. Но он всегда в своей работе работал бок о бок с коллегами, профессионалами. Если человек в уголовном розыске не «временщик», а работает по призванию, по своему таланту, то рано или поздно у большинства появляются примерно одни и те же черты. От этого работать с ними бывает легко, потому что все понимают друг друга с полуслова, говорят на одном языке, думают одинаково.

Перспектива же провести месяц или полтора в таком плотном общении с этим бледно-крашеным типом, который своим педантизмом может довести до истерики даже конечного меланхолика, восторга у Гурова не вызывала. Оставалось терпеть, находить во всем этом нечто ироничное, забавное и верить, что рано или поздно все кончится и он избавится от своего «наставника». А ведь они с Липатовым общаются едва ли полчаса. Гуров снова вздохнул, закурил, не обратив внимания на недовольный взгляд референта, и настроился на анализ видеоматериалов.

Липатов извлек из кипы принесенных документов пластиковую коробочку с дисками, подошел к CD-плееру, который стоял на стеклянной тумбочке под телевизором, и стал

колдовать с пультом. Еще минут тридцать Гуров смотрел на экран, где мелькали сначала встречи, интервью, нарезка с митингов, где участвовал первый кандидат в мэры – нынешний вице-мэр Захаров. А потом появился второй тип, причем весьма любопытный. Некий Петр Васильевич Большаков. Эта личность Гурова заинтересовала больше, нежели типаж матерого чиновника Захарова.

Липатов смотрел на экран и вставлял свои комментарии, обращая внимание Гурова на то или иное. С Захаровым было все понятно. Он «продавал» свой опыт. Больше десяти лет работал в системе ЖКХ, администрациях различного уровня. Был Захаров человеком твердым, даже жестким, что наверняка многим избирателям импонировало. Виделся в нем человек знающий, твердый в убеждениях, в достижении своих целей. Но Гуров и без подсказок своего референта углядел в этом кандидате один серьезный изъян. Опыт опытом, а вот похвалиться какими-то достижениями, свершениями, реализацией каких-то проектов он не мог. Это был человек, который всю свою чиновничью жизнь тянул лямку, участвовал в рутине на вторых, третьих и еще каких-то ролях. Захаров уповал, и не без основания, что у него есть опыт, ему не нужно учиться, в то время как другие кандидаты со своей неумейной энергией сразу же столкнутся с делом им незнакомым, делом специфическим. И будут месяцы, если не больше, учиться, постигать и в конечном итоге тормозить работу всей администрации. Это был козырь.

О прошлом Большакова Гуров вообще не получил никакого представления из показанных Эдиком материалов. Видимо, кандидат понимал, что это ему веса не прибавит, так что вся его агитация основывалась на сегодняшнем дне. В широком, конечно, смысле. Петр Васильевич был популистом, профессиональным скандалистом и личностью, паразитирующей на несовершенстве современного общества. А если учесть, что любое общество сейчас несовершенно и что совершенства любое общество достичь не сможет в обозримом историческом будущем, то личность Большакова была характерной и типичной.

Он постоянно во все лез, все и всех обличал, выискивал недостатки, недоработки и моментально навешивал ярлыки. Слыл и правозащитником, и борцом за экологию, и антикоррупционером. Эдакий народный защитник от всех и вся. Оставался открытым вопрос – а откуда у этого, по-видимому, безработного человека деньги не только на предвыборную кампанию, но и вообще на жизнь? Костюмчик у Большакова, как успел заметить Гуров, не из магазина «Одежда и обувь». Тут какой-нибудь бутик, какой-нибудь «Том Тейлор». И джинсы, которые Гуров увидел на кадрах с субботника, тоже были выкопаны не из большого ящика в гипермаркете «Карусель» и стоили не пятьсот рублей. Тысяч пять как минимум.

– Насчет Захарова вы, Лев Иванович, хорошо подметили. За ним охотно пойдут избиратели. Больше вам скажу, за

ним, скорее всего, пойдет и крупный бизнес, если они договорятся об отстаивании каких-то интересов. А крупный бизнес легко может организовать результаты голосования своих работников. Это серьезно, и Захаров нам конкурент.

А с Большаковым все оказалось намного прозаичнее, когда Липатов поведал Гурову об этом кандидате. Был Петр Васильевич, вообще-то, по образованию юристом. То, что он кичился своим рабочим прошлым, не вранье, а небольшое преувеличение. В свои сорок четыре года Большаков имел рабочий стаж всего полтора года. Проработав этот срок на заводе, он получил направление на подготовительное отделение университета, а на втором курсе перевелся каким-то темным способом с экономического факультета на юридический. Работал юрисконсультom, в том числе и на заводах, руководил отделами кадров, еще чем-то. А потом почувствовал золотую жилу. Нет, денег это сразу больших не сулило, но славы и перспектив – хоть отбавляй.

И Большаков кинулся – как юрист, но не будучи членом коллегии адвокатов – всех защищать и всем помогать. Он влезал со своими советами и сенсационными разоблачениями во все мало-мальски заметные происшествия. Неизвестно, на какие пожертвования он тогда жил, но вскоре эта деятельность, практически общественная, позволила Большакову открыть несколько юридических консультаций. Теперь он уже не совсем бескорыстно помогал. Очень часто его помощь в заметных скандалах приносила пользу, и появи-

лись подозрения, что некоторые фирмы, которые он публично «обелял» в борьбе с чиновниками или контролирующими организациями, платили за его «консультации» хорошие деньги.

Сейчас Большаков просто выходил на качественно более высокий для себя уровень. Не факт, что он надеялся попасть в мэры. Возможно, это был его очередной популистский ход, который потом, после провала, позволил бы начать обвинения в подтасовках результатов выборов и в других смертных грехах. В любом случае его имя снова прогремело бы в городе. А мог Большаков и серьезно надеяться на выигрыш в этой предвыборной гонке. С ним еще предстояло разобраться досконально.

В приемной нотариуса былолюдно. Основную часть посетителей в очереди составляли люди пожилые. Молодой мужчина в темных очках, поднятых надо лбом, заглянул в приемную, ругнулся и снова вышел на улицу. Достав мобильный телефон, он набрал номер, подождал несколько секунд, пока абонент возьмет трубку, и коротко бросил:

– Я здесь... хорошо.

Снова вернувшись в приемную, принялся расхаживать посреди небольшой душной комнаты, прижимая к груди большую черную папку. Из кабинета выглянула женщина и басовитым голосом привыкшего командовать человека велела мужчине войти. На слабые недовольные возгласы, что

мужчина без очереди, что они тут давно сидят, нотариус коротко рыкнула, что он по записи, и закрыла за собой дверь.

Мужчина вошел и скромно уселся в сторонке на свободный стул. Наконец нотариус закончила дела с клиенткой и, дождавшись, пока та выйдет из кабинета, полезла в стол.

– На, – бросила она мужчине картонную неприметную папку. – Делай все быстро, а то я скоро уеду.

– Опять отдыхать, что ли?

– Не твое дело, – неприязненно ответила нотариус. – Твое дело вот этим заниматься. И деньги за это получать.

– А когда вернетесь? – немного сконфуженно спросил мужчина. – Я еще две квартиры подыскал.

– Ты давай проверяй все получше! Мне твоего прошлого скандала до конца дней моих хватит. Не дай бог, опять хозяин всплывет! Еле замяла его подписи.

– Нормальный вариант есть; подыскал я ребят, которые все улаживают на сто процентов.

– Смотри, меня не засвети с этими ребятами, – подозрительно сверкнула глазами нотариус. – Я знать ничего об этом не желаю.

– Гарантия, – усмехнулся мужчина.

В кармане у него зазвенел мобильный. Вытащив аппарат, он посмотрел на номер абонента и торжествующе произнес:

– Вот! Как раз этот человек мне и звонит. Значит, решил все.

– Давай, иди отсюда! – махнула на мужчину рукой нота-

приус. – Еще не хватало, чтобы ты тут эти разговоры вел!

Выскочив почти бегом из кабинета, мужчина пересек приемную и вышел на улицу. Здесь он наконец ответил звонившему:

– Да, я. Здорóво!

– Здорóво, – раздался мужской голос. – Ну, нашел я тебе «чистильщиков», как обещал.

– Гарантируешь?

– Слушай, я под фуфло подписываться не намерен. Статья, если что, серьезная. Только договор такой – принимают они только трупы. Их дело, чтобы труп исчез раз навсегда, а мокруха – это твоя задача. Понял меня?

– И какой процент ты со своими ребятами хочешь?

– Извини, дорогой, это не мои ребята. Я только посредник. И тебе помогаю, чтобы ты лично с ними не встречался. Ни тебе их знать не надо, ни им тебя. В ваших процентах с квартир разбираться и высчитывать никто не будет. Такса жесткая – с головы. А что вы там с их квартирами делаете, пусть прокуратура знает.

– Тьфу! Язык твой без костей, – поморщился мужчина.

– Ага, – расхохотался абонент в трубке, – пошутить я люблю! Давай, до вечера. Встретимся, обсудим и тариф, и механизм.

Две недели ежедневного многочасового общения с Липатовым подошли к концу. Так Гуров не уставал еще ни от од-

ного человека. Эдик ходил за ним по пансионату, как тень, целыми днями. При каждом удобном случае он начинал свои поучения, нудно выдавая все новую и новую информацию. Уже на третий день их знакомства Гуров взбеленился и потребовал ответа. Какого черта Эдуард таскается за ним и рассказывает, как и что нужно делать! Если он пиарщик, если обязан организовывать всю предвыборную кампанию, пусть и организовывает. А Гуров приедет туда, куда надо, и сделает то, что нужно. Нисколько не смутившись от такого напора, все с тем же спокойным, бесстрастным лицом, Липатов стал убеждать Гурова, что он его должен подготовить, что экспромт в таких делах не проходит, что Гуров должен все знать и понимать, потому что ему потом и работать мэром придется. А там уже помощника не приставишь, там придется все делать самостоятельно и ошибаться нельзя. Гуров застонал, но стал терпеть.

Нельзя было сказать, что во всем эти две недели были такими уж утомительными для Гурова. Процедуры, которые он принимал в большом количестве, в основном оказались весьма приятными. Да и эффект он ощущал поразительный. Самое главное, что последствия от длительного запоя улетучился окончательно. Гуров чувствовал себя помолодевшим, полным сил и энергии. Снова укрепилась в сознании идея попытаться бросить курить.

За две недели восстановления здоровья дважды приезжал Финагенов и один раз Коруль. Для чего они приезжали, Гу-

ров мог только догадываться. Наверное, задать все вопросы, которые интересовали организаторов этой аферы, они Эдуарду могли и в Москве вечером. Липатов в пансионате не ночевал. Видимо, бизнесмены хотели лично убедиться, что их ставленник готов к своей роли, что его энтузиазм не угас и настроение не изменилось. Гуров с готовностью демонстрировал обоим свою боевую готовность, охотно обсуждая планы кампании. Один раз его вывозили в Москву, потому что кандидат в мэры обязан был лично подать документы и зарегистрироваться в избиркоме.

Времени на передышку, на которую рассчитывал Гуров, ему не дали, из пансионата повезли не в Москву, а напрямик в Покровск, где был забронирован гостиничный номер. По своей наивности сыщик изумился. А почему бы не поселиться в каком-нибудь загородном особнячке, вдали от суеты и всевидящего ока журналистов? На что ему было резонно замечено, что как раз из этих соображений кандидат и должен поселиться в городской гостинице, а не привлекать внимания тех же журналистов, которые начнут копать. И ведь обязательно раскопают, что кандидат живет в роскошном загородном доме, обязательно сделают вывод, что за кандидатом стоит крупный бизнес, что город скупают на корню. Обязательно последует подобная скандальная ахиня, которая и создает рейтинги средствам массовой информации.

Не успел Гуров смириться с тем, что спокойная часть его кандидатской эпопеи закончилась, как ему пришлось убе-

диться, что он не знает, насколько беспокойным будет следующий этап. Крашенный изувер Липатов не замедлил сообщить, что Гуров записан в салон красоты, куда и должен явиться через два часа.

– Записан? – не понял сыщик. – Там что, передача будет записываться? Почему вы раньше не предупредили? Надо же как-то подготовиться, настроиться...

– Это, Лев Иванович, – терпеливо принялся объяснять Эдуард, – обычная бытовая терминология тех, кто пользуется услугами салонов красоты. И означает она только то, что я вас записал на определенное время к стилисту.

– Это еще кто? – хмуро осведомился Гуров, для которого салоны красоты ассоциировались только с женскими услугами.

– По большому счету, парикмахер. Только очень высокого уровня, который может создать образ, стиль.

– Что этому можно придать? – ткнул Гуров пальцем в свое изображение в зеркале. – Вот он я, такой, как есть!

– Увидите, Лев Иванович. И перестаньте вы все время спорить. Вы спорите о вещах, в которых ничего не понимаете. Вот представьте, что я в вашу бытность работы в уголовном розыске пришел бы и стал спорить по поводу ваших методов и способов...

– Все! – простонал Гуров. – Остапа понесло... Молчу, молчу. Надо, значит, поедем.

Стиснув зубы, сыщик терпеливо сносил, как ему мыли го-

лову, почти положив на спину перед чудной формы раковинной, потом повели к креслу с замотанной полотенцем головой. Еще две молоденькие посетительницы, над которыми колдовали мастера, с интересом смотрели на мужчину. Гуров откровенно стеснялся и от этого хмурился еще больше.

Эдуард, как тень, следовал за мастером и стоял столбом рядом, когда мыли голову, когда усаживали в кресло перед зеркалом.

– Ну, что же, – прищурилась молодая женщина-стилист, внимательно разглядывая лицо клиента. – Образ мне понятен. То, что вы носите сейчас, вас молодит. А нам нужен зрелый образ, более мужественный, который бы подчеркивал интеллект. Образ руководителя.

Гуров хмыкнул, но промолчал. Липатов пялился в зеркало своим бесстрастным бесцветным взглядом и молчал. Наверное, он объяснил мастеру задачу заранее. Стилист провела рукой по мокрым волосам клиента, приподняла их со лба и задумчиво проговорила:

– Волосы у вас хорошие. Здоровые, не истонченные, густые, в меру жесткие. Они будут держать форму и быстро к ней привыкнут, так что не надо будет каждый день укладывать их феном.

Гуров с беспокойством зашевелился в кресле. Какие укладки феном? Она что, ему какую-то высокую прическу собралась наворачивать, как у дам? От вопроса его удержало только то, что он понимал – на его коротких волосах ничего

не накрутишь. Правда, он слышал от жены про современную процедуру наращивания волос, и беспокойство до конца не ушло.

– Очень хорошо, что у вас волосы с проседью, особенно импозантно выглядит седина на висках. Надо бы усилить эффект и сделать мелирование.

– Это что такое? – насупился Гуров.

– Окрашивание, – пояснила мастер. – Вот здесь пустим вверх седую прядь. Будет очень...

– Перебьетесь, – огрызнулся сыщик. – Давайте стригите, и закончим на этом.

Результат, которого Гуров со страхом ждал, оказался не таким уж плохим. Волосы, которые до этого падали на лоб и которые он зачесывал набок, теперь зачесали назад, открыв высокий лоб с глубокими залысинами по бокам, от чего не только лицо изменилось, а даже его выражение. Что-то в нем появилось чиновничье, похожее на портреты членов Политбюро. Сразу захотелось изогнуть губы в спесивой усмешке и величественно шевельнуть бровью.

Липатов удовлетворенно кивал головой, заходя то с одного бока, то с другого, пока мастер сдувала феном остатки волос с накидки на плечах клиента. Гуров поднялся из кресла и еще раз окинул взглядом свой новый образ. Эдуард тут же очутился перед ним и стал поправлять узел галстука. Лев решительно отстранил руки референта с тонкими нервными пальцами и поправил узел сам. Что-то скользнуло по плечу.

Неугомонный референт извлек откуда-то небольшую щеточку и смахивал с плеч и воротника пиджака остатки волос. Гуров закрыл глаза и, чтобы взять себя в руки, стал мысленно считать до десяти...

– Вот здесь останови, – показал Липатов пальцем водителю.

Гуров увидел большие окна, очень большие стеклянные двери и над всем этим блеском стекла вывеску со сложным названием на английском языке.

– Пойдемте, Лев Иванович, – бросил через плечо Липатов и открыл дверцу. – Будем заканчивать образ.

За стеклянными дверьми оказался дорогой мужской магазин. Сразу же перед новыми посетителями появилась симпатичная девушка.

– Здравствуйте, рады вас видеть в нашем магазине, – прошептала она с таким видом, будто ждала этого визита всю предыдущую зиму. – Вас интересует что-то конкретное или познакомиться со всем ассортиментом?

Гуров чувствовал себя истуканом. Он ходил вдоль развешанной одежды за Липатовым, который энергично обсуждал выбор с девушкой-консультантом. Сначала выбирали строгий деловой костюм для торжественных встреч, потом вечерний, потом повседневный. Затем к этим костюмам подбирали рубашки и галстуки. А после настал черед летних брюк, рубашек к ним и двух вариантов легких курток. Все

это Гуров мерил до полного изнеможения и чувства ненависти как к примерочной кабине, в частности, так и ко всему магазину, вообще. Единственное, что его утешало, так это то, что поход в магазин обуви будет не таким продолжительным и утомительным.

Предвкушение вечернего отдыха в уединении в номере гостиницы оказалось обманчивым, как мираж в пустыне. Липатову позвонили и сообщили, что с завтрашним митингом все в полном порядке. Разрешение получено, основные участники проплачены и организованы, стихийные участники обработаны, их присутствие в определенном количестве обещано. Будет съемочная группа новостной телепрограммы.

– Я приготовил вам текст, Лев Иванович, – сказал референт и извлек из портфеля файл с несколькими листами.

– А что это так сразу? – удивился Гуров. – Меня ведь еще никто не знает. Может, сначала как-то озвучиться в средствах массовой информации, заявить о себе?

– Во-первых, ваша программа, ваша жизненная позиция в виде интервью уже прошла в местных газетах. Это мы организовали. Во-вторых, по городу уже давно развешаны рекламные плакаты с вашими фотографиями. В-третьих, в почтовые ящики жилых домов уже вторую неделю раскладывают буклеты. В том числе и о сегодняшнем митинге, на который мы пригласили граждан.

– А если не придут?

— Кто-то придет обязательно. Но основную часть завтрашних зрителей мы вам обеспечим и без них. Надо же лицо соблудости. Вы не беспокойтесь об организационной стороне вопроса, тут мы все предусмотрели, лучше сосредоточьтесь на своем выступлении. Свою программу вы выучили, план речи есть, основные обороты и формулировки, которые вам обязательно надо использовать, я выделил. Главное — эмоции, игра лицом, жестикуляция. Все это должно быть горячо, убедительно. Давайте с вами прорепетируем. Я буду представителем избиркома и дам вам слово. Только вы встаньте перед зеркалом и обращайтесь к себе. Будете сразу видеть свое лицо, жестикуляцию.

В шесть утра Гурова по его просьбе подняла дежурная горничная. Легкий завтрак и чашка крепкого кофе добавили уверенности в своих силах. В конечном итоге его предстоящая речь не была враньем. Все в ней честно и реально. И, главное, выполнимо. А уж убедительным Гуров быть умел, профессия обязывала. Сколько раз ему за свою жизнь приходилось быть убедительным. И получалось, потому что задержанные уголовники «кололись» под воздействием доводов, убежденности сыщика, его эмоций.

Зрителей оказалось десятка три, еще с десятков празднующихся в это воскресное утро остановились послушать, что тут происходит. Готовых его поддерживать и аплодировать на каждое заявление Гуров опытным взглядом вычленил сразу. Человек двадцать его сторонников в толпе было.

Правда, референт не сказал, по сколько им заплатили, но это было неважно. Кто заказывает музыку, тот и платит. Вот и платите, господа финагеновы и корули.

После вступительного слова представителя избиркома, если он таковым был на самом деле, слово предоставили кандидату в мэры. И Гуров начал свою речь. Он обличал существующую власть четко и конкретно, с цифрами и фактами, которые ему подобрал Липатов. Но и подчеркивал положительные моменты в работе предшественника, который так рано и нелепо ушел от них. А также страстно обещал продолжить все хорошие начинания. Еще более страстно обещал бороться с негативом, четко продекламировав свою программу, чтобы она запомнилась людям, как стих. На этом Липатов особенно настаивал. Программа, сформулированная, продуманная и выверенная референтом до последней запятой, должна звучать как пароль в каждом выступлении Гурова, в каждом интервью, читаться на каждом рекламном буклете и каждом плакате на стенах города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.